

— Саньва, спи скорее, я больше не буду двигаться.

Лян Цзихэн лежал, притворяясь мёртвым, но Чжань Цзюцзян понимал, что мешает ему. Он легонько похлопал Лян Цзихэна по спине и вскоре сам уснул.

Чжань Цзюцзян крепко заснул, но Лян Цзихэн из-за него не мог уснуть. Он осторожно попытался перевернуться и отодвинуться от Чжань Цзюцзяна подальше. Их позы для сна были неудобными, и если бы они действительно уснули, то могли бы начать драться!

— Брат!

Едва он пошевелился, как увидел лицо своего брата с чёткими чертами. Лян Цзивэнь сделал знак молчать. Чжань Цзюцзян спал чутко, и при малейшем шуме он начинал шевелиться, словно собираясь открыть глаза. Лян Цзивэнь, воспользовавшись моментом, чтобы поправить его позу, нажал на точку сна, а затем махнул рукой, показывая, что Лян Цзихэн может уходить.

Лян Цзихэн облегчённо вздохнул и тихо сказал:

— Брат, не зли больше Цзян-гэ.

Лян Цзивэнь смотрел с досадой: выходит, в глазах младших братьев и сестёр он такой человек, который постоянно всех раздражает?

Лян Цзихэн быстро укатился. На самом деле Лян Цзивэнь ошибался. Дети в семье неплохо знали их. Чжань Цзюцзян обычно любил капризничать и был немного обидчивым, но это не было настоящим гневом, скорее, походило на капризы. Но на этот раз все поняли, что Чжань Цзюцзян действительно рассердился, и это была искренняя злость.

Чжань Цзюцзян был на взводе. Он действительно любил Лян Цзивэня и пытался отпустить эти чувства, но результат был очевиден — он не мог. Он боялся втянуть Лян Цзивэня в это и ещё больше боялся, что тот посмотрит на него с неприязнью.

Его кругозор был не узким, и хотя за все эти годы он не встречал людей, любящих представителей своего пола, он знал, что это не вписывается в нормы. Он жалел Лян Цзивэня, но не мог контролировать себя. Ему приходилось удовлетворять свои желания через их обычное общение. Но могла ли такая слегка амурная дружба его удовлетворить? Он был в смятении и страдал. Между желанием и отказом он выбрал отказ, но в глубине души всё же надеялся. Каждый раз, когда между ними возникала близость, он испытывал одновременно радость и страх. После радости его охватывала ещё большая паника.

Сегодняшний случай стал последней каплей. В его голове что-то оборвалось, и он скорее боялся сам себя, чем злился на Лян Цзивэня. Он боялся, что тот посмотрит на него чужими глазами или даже с отвращением. Он решил, что лучше остаться братьями, чем потерять его навсегда и не общаться всю жизнь.

Лян Цзивэнь обнимал Чжань Цзюцзяна, видя, как из уголков его глаз текут слёзы. Он с нежностью стёр их пальцем. Он понимал, что его слова сегодня были слишком резкими, и когда увидел холодный взгляд Чжань Цзюцзяна, его охватила паника. Этот ребёнок, которого он растил с детства, любил капризничать, имел скверный характер, но больше всего любил делать важное лицо и притворяться.

Можно сказать, что Чжань Цзюцзян занимал больше всего его внимания. Даже Лян Цзихэн и

Лян Цзию вместе не получали столько заботы. Лян Цзию в детстве даже жаловался, что Лян Цзивэнь слишком предвзят к Чжань Цзюцзяну, всё отдавая ему. Позже Чжань Цзюцзян приручил его, и тот стал его маленьким шефом, и только тогда стало легче.

Чжань Цзюцзян также перенял опыт у Лян Цзию и очень хорошо относился к Лян Сысы и остальным, поэтому, занимая самое любимое место в сердце Лян Цзивэня, никто больше не выражал обиды.

Лян Цзивэнь смотрел на Чжань Цзюцзяна, который даже во сне надул губы и выглядел крайне обиженным, и чувствовал одновременно жалость и раздражение. Скажите, зачем так сложно растить ребёнка?

Когда Чжань Цзюцзян проснулся на следующий день, солнце ещё даже не показалось из-за горизонта. Он зевнул, собираясь перевернуться и снова заснуть, но вдруг замер. Он лежал в объятиях Лян Цзивэня, его голова покоилась на руке Лян Цзивэня, рука лежала на талии Лян Цзивэня, а ноги переплелись с его ногами.

— Проснулся?

Чжань Цзюцзян услышал низкий и хриплый голос Лян Цзивэня и не посмел поднять голову. Лян Цзивэнь погладил Чжань Цзюцзяна по волосам, отпустил его, встал и потянулся.

— Сегодня мы сначала немного прогуляемся, а потом уже вернёмся.

Он сказал это как извинение. По первоначальному плану они должны были сегодня обойти места, исследованные в прошлые годы, собрать всё, что можно, и вернуться до захода солнца.

— Угу.

Чжань Цзюцзян тихо отозвался, чувствуя себя немного виноватым. Он не спросил Лян Цзивэня, почему тот перебрался к нему, но на душе у него было сладко, словно он только что съел ложку мёда.

Чжань Цзюцзян смотрел, как Лян Цзивэнь будит детей одного за другим, и не мог удержаться от улыбки, тут же отбросив вчерашнее решение. В конце концов, через два с лишним месяца они должны были разойтись, так почему бы не насладиться этим временем сполна? Оставалось всего несколько десятков дней, пусть он ещё насладится!

Дети, которых сонно разбудили, щурились и шли умываться. Услышав, что можно поиграть ещё два-три часа, все мгновенно проснулись и быстро стали приводить себя в порядок. Лян Цзивэнь уже нанизал булочки, сделанные бабушкой Лян, на веточки и жарил их на костре, а в котле на огне кипел отвар из имбиря с коричневым сахаром. Хотя погода уже стала тёплой, разница температур между днём и ночью была велика, поэтому каждое утро и вечер нужно было выпивать по чашке имбирного отвара.

Все ели жареные булочки, пили острый и в то же время сладкий отвар, болтали и смеялись, их лица сияли от счастья. Чжань Цзюцзян и Лян Цзивэнь помирились, с едой было всё в порядке, нашлось время и для игр, поэтому действия всех ускорились. Едва рассвело, Лян Цзивэнь повёл всю компанию в путь.

Несколько детей прыгали и бежали впереди. Там, где было много деревьев, они учились у обезьян и перепрыгивали с ветки на ветку, держась за лианы. Проходя мимо водоёмов, они спускались ловить рыбу, креветок и крабов. Встречая довольно крутые склоны, они

карабкались вверх на четырёх конечностях, не обращая внимания на грязь, их лица и одежда были в земле, но радостные улыбки ничем нельзя было скрыть.

Хотя они шли по местам, где раньше не бывали, цель оставалась прежней. Место, до которого можно было дойти за час, они обогнули за четыре часа. Чтобы не беспокоить домашних, им пришлось ускориться. Они быстро залезали на деревья, срывали финики, роз мирт, лесную землянику, физалис, китайский фонарик... Они обошли все отметки на карте, и к трём часам дня всё было готово. Лян Сысы посмотрела на положение солнца и очень заволновалась. С такой скоростью они вернутся домой самое раннее в восемь-девять часов вечера, но они ещё не забрали мёд. В это время сахар был большой редкостью, и они не хотели отказываться от этого мёда.

Лян Цзивэнь также знал, о чём они думают, но гора Дацин действительно была полна опасностей. Если бы он не постоянно использовал внутреннюю силу, создавая подавляющее давление, дикие звери давно бы напали, и оставлять этих детей здесь было бы совершенно ненадёжно. Хотя ему было досадно, Лян Цзивэнь не смел рисковать и мог только молча ускорять работу рук. Чжань Цзюцзян тоже сильно сожалел, если бы не он подбивал их, домашним не пришлось бы так волноваться.

Время их возвращения было определено заранее. Семья Лян боялась, что с ними что-то случится в горе Дацин. Если бы к назначенному времени они не вернулись, старший дядя Лян мог бы найти способ организовать людей для входа в горы, пусть бы это были только члены семьи Лян и дедушка Чжань.

Чтобы добыть мёд, нужно было использовать дым. Лян Цзивэнь тайно использовал внутреннюю силу, чтобы ускорить бегство пчёл. Они побывали у четырёх ульев подряд и только тогда остановились, чтобы отправиться в обратный путь. После того как Лян Цзивэнь забирал мёд, он оставлял в каждом улье по полкапли духовной воды в качестве компенсации. Они шли по лесу между деревьями, по пути подбирая спрятанные мешки с мешковиной. На местности, где было относительно ровно, все закрепляли мешки и тащили их на досках, а на пересечённой местности двое несли по две доски. Успевая вовремя, они наконец добрались до места, где росла пшеница, до захода солнца.

<http://bllate.org/book/16557/1511040>